

Е.В. КОРУНОВА

ОСОБЕННОСТИ ШВЕДСКОГО НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В 1920–1930-е годы

Фашизм как явление подробно изучен в научных трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей¹. Однако о шведском национал-социализме межвоенного периода в России знают немногие специалисты, хотя в этой скандинавской стране уже в начале 1920-х годов сложились условия для восприятия нацистских идей.

Как и другие страны, в первой четверти XX в. Швеция “бурлила”. Послевоенные годы были омрачены глубоким экономическим кризисом. Возникали волнения из-за нехватки продовольствия. Под воздействием революций в России и Германии в Швеции вот-вот должно было начаться строительство баррикад: столкновение народа с властью казалось неизбежным. В Швеции возникали революционные настроения. Буржуазные партии имели различные взгляды на важнейшие вопросы развития государства и сменяли друг друга у власти, пока социал-демократы в 1930-е годы не утвердились во власти. Швеция пострадала и от экономического кризиса 1929 г. На рынке труда вспыхивали конфликты с растущей безработицей и снижением заработной платы.

В Швеции рано появились праворадикальные националистические движения. История их возникновения имеет глубокие корни и связана не столько с появлением и установлением фашизма в Италии или нацизма в Германии, как принято в последнее время считать, сколько с исторически сложившейся склонностью шведов к великодержавию и восприятию себя носителями богатых культурных традиций. В некоторых слоях шведского общества идеи реванша были еще живы даже после Первой мировой войны, когда Швеция убедилась в правильности своей политики нейтралитета. Другой вопрос, что Швеции не представлялось возможным реализовать великодержавные амбиции в одиночку, без надежных союзников. Поэтому шведские националисты с надеждой следили за “пробуждением” Германии, впитав в качестве так называемой “организованной” идеологии близкие им идеи германского нацизма.

Данная статья посвящена деятельности шведских национал-социалистов в 1920–1930-е годы. Задачей исследования является определение особенностей их деятельности и выявление причин, по которым фашистские партии в Швеции не смогли прийти к власти и застряли на политической периферии, превратившись в 1930-е годы в маргиналов шведской партийно-политической системы.

Корунова Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Gregor A.J.* Interpretations of Fascism. Morrision, 1974; *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; *Бессонов Б.Н.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985; *Галкин А.А.* Германский фашизм. М., 1989; *Weinberg G.L.* Germany, Hitler and World War II. Cambridge, 1995; *Галактионов Ю.В.* Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945–90-х годов. Кемерово, 1999; *Griffin R., Feldman M.* Fascism. v. I–III. London, 2004; *Paxton R.* The Anatomy of Fascism. New York, 2004.

В чем же причина того, что ультраправые партии Швеции были слабы, раздроблены, в большинстве своем копировали итальянский или немецкий варианты партийной организации и идеологии; они не добивались серьезных результатов на выборах: их отвергало большинство шведского общества.

Анализ деятельности шведских национал-социалистов позволяет ответить на вопрос о внешнеполитической стратегии Швеции накануне Второй мировой войны. Через неприятие обществом нацистских идей, а также через противоречия внутри шведских национал-социалистических, антисемитских, прогерманских организаций и партий проявляются мотивы, которые позволяют в определенной степени понять, что побудило шведов сохранить доверие к государственной власти и политике нейтралитета. И это несмотря на то, что в начале XX в. в Швеции возник интерес к радикальным идеям, которые стали основой нацистской идеологии.

Например, вопросами евгеники в Скандинавии заинтересовались еще задолго до прихода к власти в Германии Гитлера, позже подменившего это учение расизмом. В Швеции, в отличие от Норвегии и Дании, существовало организованное евгеническое движение; сообщество генетиков там было весьма многочисленным. Евгеникой занимались во многих европейских странах, в частности в Австрии, Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции. В Швеции обсуждение проблем евгеники вышло за рамки научно-популярных публикаций и было передано в ведение правительственных органов.

В Стокгольме в 1909 г. группа ученых образовала общество расовой гигиены. Годом позже в Швеции появилось первое объединение генетиков – общество Менделя². Примерно в это же время возник селекционный центр в Свалефе – один из первых в мире, в котором началось соединение селекции и генетики. К началу 1920-х годов ведущие университеты страны – в Упсале и Лунде – уже были готовы направить свои знания на пользу государству. На основе неопровержимых научных фактов ученые доказывали, что племена низкорослых и черноволосых лаппов и финнов, населявших в основном северные районы Швеции, были вытеснены племенами высоких, белокурых и голубоглазых арийцев. Генетически самым чистым из арийских народов назвали све-ев³, подаривших Швеции свое имя и высокоразвитую нордическую культуру.

13 мая 1921 г. решением риксдага (парламента) в г. Упсала был открыт первый в мире государственный институт расовой биологии, главная задача которого определялась как исследование проблемы дегенерации человека, вызываемой смешением рас. Идея создания такого исследовательского института, где бы проводились расово-биологические опыты, впервые была высказана в парламенте членом нижней палаты риксдага социал-демократом В. Бьёрком с подачи В. Хульткрантзона⁴, Р. Ларссона⁵ и Х. Лундборга⁶. Инициативу создания такого учреждения поддержали в обеих палатах риксдага; проект был одобрен лидером правых сил А. Линдманом, премьер-министром социал-демократического правительства Я. Брантингом и другими видными политическими деятелями.

Институт расовой биологии возглавил Лундборг, занимавшийся антропологическим изучением потомства от межрасовых браков. Он был убежден в том, что такие браки наносят вред обществу и влекут за собой упадок традиционных шведских ценностей. Первые результаты работы института были представлены в 1926 г. В сжатом виде они

² Общество получило название в честь Г. Менделя (1822–1884) – австрийского монаха-естествоиспытателя, основоположника учения о наследственности.

³ Свеи – германское племя, родственное гётам, проживавшее на территории современной Швеции. От этнонима “свеи” происходит название Швеции – “государства свеев”.

⁴ Хульткрантзон Вильгельм (1938–1962) – врач-анатом, антрополог, сторонник расовой теории.

⁵ Ларссон Роберт (1920–1954) – редактор научного журнала о генетике.

⁶ Лундборг Херман (1868–1943) – врач-психиатр, в 1921–1935 гг. директор Института расовой биологии в г. Упсала.

вошли в школьный учебник под названием “Шведские знания о расах”. В обществе создание института и научные труды его сотрудников в целом не встретили отторжения.

“Расовая гигиена” в Швеции нашла свое выражение и в антисемитизме; она не только сопровождалась проявлениями “религиозного” антисемитизма, но и имела экономический аспект: в Швеции во второй половине XIX в. существовала “экономическая теория” антисемитизма. Однако эта теория не стала популярной. Шведские евреи не представляли собой консолидированной экономической прослойки и были разрознены географически и социально. К кому же в Швеции, в отличие от Германии, не было бытового антисемитизма. И хотя неприязнь к евреям проявлялась в обеих странах, она имела различную природу и, как следствие, в дальнейшем нашла выражение в принципиально отличных подходах к решению задач, связанных с теорией “расовой чистоты” нации. Ещё в 1925 г. в Стокгольме усилиями шведского священника и архиепископа Упсалы Н. Сёдерблума была проведена Всеобщая христианская конференция, на которой присутствовало 600 делегатов из 37 стран. На конференции обсуждалось единое экуменическое учение и проблема достижения всеобщего мира. В 1930 г. Сёдерблуму была присуждена Нобелевская премия мира⁷. Уже тогда наметился нейтралистский вектор во внешней политике Швеции, что во многом объясняет настороженное отношение в обществе к национал-социалистическим взглядам, которые в дальнейшем могли бы привести к втягиванию Швеции во Вторую мировую войну на стороне Германии.

После 1933 г. к евгеническим идеям, которые органично слились с расистскими установками фашизма, в Швеции стали относиться с опаской. Социал-демократическое правительство Швеции не хотело оказаться в глазах мировой общественности заодно с Гитлером и поэтому стремилось держаться подальше от всего, что было связано с нацизмом. Правительство демонстративно подвергало критике работу Института расовой биологии и настаивало на сворачивании его деятельности. Г. Дальберг, возглавивший институт в 1936 г., свернул экспедиционные исследования и работы в области физической антропологии и вместо расовой биологии углубился в изучение наследственных болезней. Началась работа в больницах и архивах, эксперименты над животными с целью определения наследственной природы ряда соматических заболеваний.

В истории Швеции был еще один эпизод, позволяющий упрекнуть шведов в подыгрывании нацистам: это политика стерилизации. Автором предложений по стерилизации был медик по образованию, один из инициаторов создания Института расовой биологии А. Петрен⁸; руководил процессом стерилизации Лундборг. Несмотря на тот факт, что принятие закона о стерилизации риксдаг отклонял дважды (в 1922 г. и в 1933 г.), в 1934 г. такой закон был принят в обстановке консенсуса, не встретив оппозиции ни среди законодателей, ни в обществе, ни среди ученых и врачей. Парламент, таким образом, поддержал добровольную стерилизацию и фактически дал разрешение в “определенных случаях” проводить операции над людьми без их согласия. По этому закону допускалась стерилизация людей, которые считались неспособными понять значение этой операции⁹.

Безусловно, стерилизация в Швеции не сопровождалась прямым принуждением, как это было в нацистской Германии. В документах, регулировавших стерилизацию, указывалось, что она не должна происходить с применением насилия. Зато использовались косвенные и “цивилизованные” формы принуждения: выписка из больницы, разрешение на вступление в брак, прерывание беременности. Умственно отсталого ребенка могли по результатам тестов забрать в “закрытое” заведение, а условием возвращения домой поставить его стерилизацию. Взрослого, находящегося в больнице, следовало за-

⁷ Чернышева О.В. Архиепископ Натан Сёдерблум, лауреат Нобелевской премии мира, выдающийся религиозный и общественный деятель Швеции XX века. – Новая и новейшая история, 2011, № 3.

⁸ Петрен Альфред (1867–1967) – член верхней палаты риксдага (1912–1935 гг.).

⁹ Игнатьев В. Стерилизация и “светлое будущее”. Материалы семинара. – Тум Балалайка, № 17, июль–декабрь 2000 г. – http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn17/n17_04p5.htm

ранее поставить в известность о намечаемой стерилизации и получить его согласие, но даже если он отказывался, рекомендовалось все равно начать подготовку к операции и говорить о ней с пациентом как о решенной, неизбежной и само собой разумеющейся.

Хотя в Швеции, как и в других скандинавских странах, стерилизация применялась в значительно меньших масштабах, чем в Германии, – лишь в 1942 г. ежегодное число стерилизованных превысило 1 тыс. чел. За весь период действия закона с 1934 г. по 1975 г. стерилизации было подвергнуто около 62 тыс. шведских граждан. Многие эксперты в 1930-е годы были готовы перейти и к более радикальным действиям. Стерилизации, по их мнению, следовало подвергнуть бродяг, проституток, всех тех, кто был склонен к “антисоциальному поведению”¹⁰.

Ни в коей мере не оправдывая стерилизацию как постыдного факта в истории Швеции, все же следует отметить, что стерилизация лишь вначале развивалась в рамках консервативной расовой биологии. Вскоре она трансформировалась в социально ориентированную программу борьбы с наследственными заболеваниями. В нацистской Германии все происходило в обратном порядке. Примечательным является и тот факт, что главной движущей силой разработки и принятия законопроекта о стерилизации в шведском парламенте были не ультраправые, как в Германии, а социал-демократы. Стерилизация в Швеции стала составной частью представлений социал-демократической власти о государстве всеобщего благоденствия, в котором слабым, больным и нуждающимся должна была оказываться целенаправленная социальная помощь. Программа стерилизации удачным образом вписывалась в социальную политику, разработанную супругами А. и Г. Мюрдаль¹¹, предполагавшую вмешательство государства в отношения между полами, а также людьми, семьей и государством. В 1935 г. после долгих парламентских дебатов была создана королевская комиссия по народонаселению. Используя в качестве главной цели улучшение демографической обстановки в стране за счет масштабного государственного стимулирования браков и рождаемости, супругами Мюрдаль и их единомышленниками, действовавшими в рамках королевской комиссии, был запущен механизм урбанизации страны и феминизации общества. Доклады и реформы часто подвергались нападкам за их “фашистский дух”, так как содержали предложения повысить рождаемость, в том числе путем усиления контроля за абортными, их легализацию на этнической, евгенической и медико-социальной основе и требования дальнейшего ужесточения закона о стерилизации. Но эта политика трактовалась властью, вдохновленной ценностями рационально устроенного общества, как незначительная жертва в деле построения “дома для народа”¹².

Возникает вопрос: почему в стране, где частью “шведскости” стали “расовая гигиена” и антисемитизм, не получили широкого развития национал-социалистические партии?

В первой половине XX в. в разных уголках Швеции действовали десятки национал-социалистических, правоэкстремистских и антисемитских организаций, но лишь несколько из них стали партиями и добились определенного политического успеха. Появление первых крупных партий нацистского толка относится к середине 1920-х годов.

Шведское антисемитское объединение (ШАО), развернувшее свою деятельность в ноябре 1923 г., почти не упоминается в контексте шведского национал-социализма. Тем не менее оно сыграло важную роль в его становлении. Идея создания подобного сообщества, которое отражало бы антисемитские взгляды части населения Швеции,

¹⁰ *Россиянов К.О.* Цена прогресса и ценности науки: новая книга по истории евгеники. – Вопросы истории и естествознания, 2000, № 1.

¹¹ Мюрдаль Гуннар Карл (1898–1987) – шведский экономист, в 1933–1938 гг. – консультант шведского правительства по экономическим вопросам, лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г. Его жена Мюрдаль Альва (1902–1986) – шведский дипломат, политик и писатель, лауреат Нобелевской премии мира 1982 г.

¹² *Карлсон А.* Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения. М., 2009, с. 216.

принадлежала инженеру Б. Лундену. В апреле 1921 г. он через бульварную газету антисемитского толка “Види”, ставшую впоследствии печатным органом ШАО, заявил, что все евреи должны “убираться обратно в Палестину”¹³, ибо “Швеция для шведов”. Последняя фраза особенно запомнилась шведским антисемитам и в последующие годы неоднократно использовалась ими в качестве лозунга.

Лунден уже в 1923 г. оказал поддержку своему германскому единомышленнику Гитлеру, а также использовал свастику в качестве эмблемы своей организации. Главной целью ШАО, просуществовавшего около 8 лет и насчитывавшего от 1000 до 1500 членов, стало распространение нацистских и расистских идей на территории Швеции. Лунден призывал ничего не покупать у евреев, забрать деньги из “еврейских” банков, бойкотировать “еврейские” газеты и препятствовать заключению смешанных шведско-еврейских браков. Ничего принципиально нового в этой антисемитской пропаганде не было – подобные высказывания и раньше неоднократно звучали в шведском обществе. Тот факт, что ШАО было распущено сразу после отхода от дел его идейного лидера, свидетельствует о слабости этого объединения и отсутствии антисемитизма в широких слоях шведского населения. Однако ШАО стало “кузницей” кадров нацистских партий, причем не только Швеции – членом этой организации был один из высших руководителей нацистской Германии Г. Геринг.

Б. Фуругорд, прежде чем стать лидером нацистского движения Швеции, состоял в ШАО. Мировоззренческие взгляды будущего шведского фюрера Фуругорда сформировались, когда он еще был студентом лундского университета: профессор Б. Линдфорсс¹⁴, известный своей любовью ко всему “арийскому”, распространял среди своих студентов идеи расовой гигиены. Будучи человеком, известным в обществе, публично вступавшем в споры с представителями других политических течений и в то же время умевшем поддерживать с ними дружеские контакты (например, с видными деятелями социал-демократической рабочей партии Я. Брантингом и А. Даниельссоном), Линдфорсс был популярен не только среди своих единомышленников.

Фуругорд, ученик Линдфорсса и ветеринар по образованию, стремился к завязыванию тесных контактов с немецкими нацистами. Национал-социалистическая рабочая партии Германии (НСДАП) стала для Фуругорда своего рода образцом для подражания. Он еще до знакомства с одним из основателей НСДАП журналистом Д. Эккардом не пропустил ни одной его статьи. Их первая встреча состоялась в 1922 г., когда политические взгляды Фуругорда были уже сформированы.

12 августа 1924 г. Б. Фуругорд совместно со своими братьями – редактором С. Фуругордом и врачом Г. Фуругордом – образовал Шведский национал-социалистический союз свободы (ШНСС). Этот союз активно сотрудничал с НСДАП, вел переписку с немецким евгенистом Г. Гюнтером, будущим рейхскомиссаром Норвегии Й. Тербовеном, издателем антисемитского журнала “Молот” Т. Фричем.

Особые отношения у Б. Фуругорда сложились с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером, питавшим почти патерналистские чувства к шведским нацистам. Гиммлер надеялся, что ШНСС станет влиятельной партией и, достигнув популярности и политического веса в своем государстве, сможет стать частью “общегерманского” национал-социалистического движения. Этим объяснялось глубокое погружение Гиммлера в дела шведских нацистов, в частности требование от Фуругорда отчетности, что Фуругорд рассматривал как проявление “отеческой заботы” Гиммлера. Тем более, что львиная доля финансирования ШНСС поступала из внешних источников, связанных с НСДАП. В письмах Гиммлеру Фуругорд подробно излагал положение дел в Швеции, описывал успехи ШНСС, иногда явно преувеличивая, сообщал о трудностях и ожиданиях поддержки и совета. Гиммлер не ограничивался общими словами: на основе предоставленных ему

¹³ *Wärenstam E.* Fascismen och nazismen i Sverige, 1920–1940. Studie i den svenska nationalsocialismens, fascismens och antisemitismens organisationer, ideologier och propaganda inder mellankrigsåren. Stockholm, 1970, S. 25.

¹⁴ Линдфорсс Бенгт (1868–1913) – профессор биологии и публицист.

материалов он предлагал Фуругорду реальные планы организации работы шведских нацистов с целью укрепления их позиций на политической арене, что в будущем должно было бы привести их власти.

Фуругорд был вдохновлен немецким национал-социализмом настолько, что не задумывался над вопросом его адаптации к шведской действительности: он слепо верил, что повторит политический успех Гитлера. Фуругорд полагал достаточным реорганизовать свою партию по образцу НСДАП, чтобы обеспечить ее поступательное развитие, политический статус и популярность в народе. Партия братьев Фуругордов выдвигала антикоммунистические и антисемитские лозунги, решительно выступала против иммиграции так называемых “низших рас” и смешения “чистой” шведской нации с представителями других народов, в особенности с евреями. Эмблемой ШНСС партии стали свастика и традиционный шведский символ – сноп Васы¹⁵. В 1925 г. название партии было изменено на Шведскую национал-социалистическую крестьянскую и рабочую партию, в чем проявлялось желание еще больше сблизиться с немецкими нацистами.

Образованная в октябре 1926 г. Фашистская боевая организация Швеции (ШФКО) составила конкуренцию Шведской национал-социалистической крестьянской и рабочей партии. Руководителями ШФКО стали бывший германский унтер-офицер К. О. Хальгрэн, известный больше как деятель штрейкбрехерской организации “Свобода труда”, лейтенант шведской армии С. Хеденгрэн и нацистский “фюрер” шведской армии С.О. Линдхольм. Изначально их роли распределялись следующим образом: “лицом” организации стал невысокий светловолосый Хальгрэн, почти двухметровый Хеденгрэн взял на себя обеспечение ШФКО нужными контактами, организационные вопросы решал Линдхольм, он же возглавил пропагандистскую работу.

В идеологии ШФКО первых лет ее деятельности прослеживалось влияние итальянского фашизма, который вначале не был антисемитским. В первой половине 1930-х годов итальянский дуче Б. Муссолини не стеснялся называть антисемитизм “немецкой болезнью” и критиковал расовые постулаты нацизма. В 1932 г. в ходе беседы с немецким писателем Э. Людвигом дуче резко осудил нацистскую теорию расизма и антисемитизма и заявил, что не верит ни в какие биологические эксперименты, ни в превосходство одной расы над другими. Аналогичным образом рассуждали поначалу и лидеры ШФКО. В интервью газете “Национен” Хальгрэн высказался в том плане, что антисемитизм не являлся темой, достойной обсуждения¹⁶.

Внимание шведских фашистов из ШФКО было приковано к другой проблеме – коммунистической угрозе, которая представляла, как им казалось, большую опасность для Швеции. Советский Союз, как носитель идеологии большевизма, оплот коммунизма и традиционный противник шведского государства¹⁷, стал главным объектом их нападок. Печатный орган ШФКО газета “Фашина”¹⁸ призывала защитить свою родину от большевиков и положиться на шведских фашистов, способных вывести страну из хаоса. Хотя оснований для обвинения большевиков в “советизации” Швеции не было, шведские фашисты с завидным упорством говорили о стремлении “невежественных русских” “поглотить” Швецию, “подчинить” ее морально и экономически, “обезличить” национальную культуру.

Пропаганде под лозунгом “Долой большевизм!” ШФКО уделяла много внимания и тратила на это немалые средства. Шведские фашисты не желали допускать к управле-

¹⁵ Сноп Васы – знак, который имел в своем гербе собиратель шведских земель король Густав Ваза (1523–1560).

¹⁶ *Wärenstam E.* Op. cit., S. 57.

¹⁷ Шведам была свойственна “*tysskräck*” – “руссофобия”, уходящая конями в историю, начиная с Полтавской битвы 1709 г. и заканчивая отторжением от Швеции Финляндии и ее включением в состав Российской империи в 1809 г.

¹⁸ “Фашина” (“*Spöknipret*”) – печатный орган фашистской боевой организации Швеции в 1926–1931 гг. Редактор – К. Хальгрэн.

нию государством партии, исповедовавшие коммунистические идеалы¹⁹. Даже реформисты социал-демократы подвергались жесткой критике за то, что тоже являлись носителями идей марксизма.

Спустя некоторое время в ШФКО стали происходить изменения. После визита Хальгрена в Германию в 1928 г. наметился сдвиг в сторону нацистской идеологии. В 1929 г. руководство ШФКО совершило ознакомительную поездку в “партийную столицу НСДАП” Нюрнберг, где встретилось с Й. Геббельсом, А. Розенбергом, Г. Гиммлером и другими нацистскими лидерами. По итогам визита в Германию руководители ШФКО окончательно пришли к выводу, что им ближе идеологические установки не итальянских фашистов, а германских национал-социалистов. По возвращении в Швецию было принято решение изменить вектор партийных интересов и как следствие поменять название партии на Шведскую национал-социалистическую народную партию.

Вместо черных рубашек члены партии стали теперь носить коричневые, подчеркивая тем самым связь с НСДАП. Строку из поэмы немца Д. Эккарда “Йойрию” (1919 г.) “Германия, проснись!”, ставшую одним из лозунгов НСДАП и вышитую на флаге этой партии, шведские нацисты заменили лозунгом “Швеция, проснись!”. Подражание НСДАП не ограничивалось внешней атрибутикой и распространялось также на программу партии.

Перемены в идеологии превратили Линдхольма в фактического лидера преобразованной партии. Линдхольм, в отличие от Фуругорда, в глазах пронацистски настроенных сил выглядел подходящей кандидатурой на роль шведского фюрера. Линдхольм отвергал пацифизм, ссылаясь на успехи агрессивной политики Германии в Европе. Следуя за немецкими нацистами, Линдхольм выдвигал крайние националистические и антисемитские лозунги, которые коробили многих шведов²⁰.

В высшем руководстве НСДАП с интересом относились к обеим шведским нацистским партиям, но наличие двух конкурирующих группировок, готовых в равной степени сотрудничать с нацистской Германией, вносило некую сумятицу в ряды сторонников шведских нацистов.

Идею объединения нацистских партий Швеции поддерживали и в Германии. В декабре 1928 г. Гиммлер в письме Фуругорду высказался за создание в Швеции единого нацистского движения²¹.

В 1929 г. произошло слияние фашистских организаций Фуругорда и Линдхольма. 26 сентября 1929 г. Гиммлер получил письмо, в котором сообщалось, что отныне в Швеции начал работу Новый шведский национал-социалистический союз (НШНСС). К нему присоединились более мелкие фашистские организации, в частности, Новый шведский народный союз С. Билле.

Вначале название партии НШНСС, являвшееся компромиссом, удовлетворило все стороны, но спустя некоторое время было принято решение его изменить на более четкое и ясное – Шведская национал-социалистическая партия (ШНСП). Обосновалась эта партия в г. Гётеборге; ее лидером по настоянию германской стороны стал Б. Фуругорд, а Линдхольм – его правой рукой и главным редактором партийной газеты “Наша борьба”.

Основная деятельность партии сводилась к пропаганде, которая выражалась главным образом в митингах и встречах, а также распространении нацистской и антисемитской литературы. В 1932 г. был проведен митинг сторонников нацизма в Стокгольме, на котором должны были выступить Гитлер и Геббельс. Однако их приезд в Швецию был

¹⁹ *Wärenstam E.* Op. cit., S.58.

²⁰ Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 års dossiersystem. NP 20 Bihang Nazisterna, v.1042, S. 12–13.

²¹ *Thulstrup Å.* Med lock och pock. Tyska försök att påverka svensk opinion 1933–1945. Stockholm, 1962, S. 232–233.

запрещен властями страны. Это не помешало лидерам шведских нацистов собрать на главной площади столицы Хёторьет почти 6 тыс. своих сторонников²².

Шведские национал-социалисты активно разъезжали по стране. Только за период с января по июль 1935 г. было проведено около 300 официальных встреч в различных городах Швеции. Излюбленным местом проведения нацистских сборищ стал Стокгольм: Фуругорд предполагал превратить столицу Швеции в оплот национал-социализма. В провинции популярностью пользовались города Сконе, Верmland и Даларна, где речи шведских нацистов находили отклик в народе.

Фуругорд стремился выступать на всех митингах и собраниях ШНСП – больших и малых. Но Фуругорд не был единственным оратором партии. В рядах ШНСП выделилась несколько “основных спикеров”: Й. Остранд, Г. Ерикссон, М. Бролин, К. Мелин, Г. Ларссон, Е. Стеффен, И. Магне, Е. Валь, К. Килен.

Однако не менее активно вели себя и сторонники пацифистских идей и шведского нейтралитета. В ответ на появление нацистских партий, которые явно переоценивали свою значимость и популярность в стране, сформировался народный антифашистский фронт, объединявший всех антифашистов вне зависимости от их партийной и социальной принадлежности²³.

В 1931 г. национал-социалисты приняли участие в муниципальных выборах в Стокгольме, но набрали очень мало голосов: всего 297 из 220 тыс. возможных. На парламентских выборах 17–18 сентября 1932 г. их опять постигла неудача: было собрано 15 175 голосов (0,61%). Таким образом, в 1932 г. ни одного мандата в парламент они не получили. Наибольшую поддержку ШНСП оказали жители Гётеборга, где удалось насчитать около 6071 голосов, провинции Верmland, традиционно считавшейся оплотом национал-социалистов – 3088 голосов и Стокгольма – 1940 голосов шведских избирателей. Линдхольм объяснял неудачу нацистов нежеланием части населения, которая разделяла взгляды ШНСП, отдать свои голоса впустую. Неуверенность избирателей в силе шведских нацистов побуждала их голосовать за другие партии.

Несмотря на то, что результаты выборов 1932 г. были самыми успешными за всю историю участия шведских нацистов в парламентских выборах, поражение было для них неожиданностью. Вдохновленные успехами Гитлера в Германии, Фуругорд и Линдхольм не предполагали, что их проигрыш окажется фатальным. Провалу ШНСП способствовали порочившие репутацию шведских национал-социалистов тесные связи с НСДАП и объективно высокая популярность Социал-демократической рабочей партии Швеции, утверждавшей принцип: “Демократия – это мир”²⁴.

Проигрыш ШНСП поводом к внутривнутрипартийным разбирательствам и в итоге завершился расколом партии. Несмотря на внешнюю общность политических взглядов, Фуругорд и Линдхольм в конечном итоге так и не нашли точек соприкосновения. На IV съезде НСДАП в Нюрнберге они демонстративно игнорировали друг друга. В 1933 г. в ходе ожесточенных внутривнутрипартийных баталий произошел полный разрыв между Фуругордом и Линдхольмом. В итоге Линдхольм вышел из ШНСП и увел своих сторонников. После раскола партии сторонники Фуругорда стали называться “фуругордовцами”, а сподвижники Линдхольма – “линдхольмовцами”.

В основе конфликта между лидерами шведских нацистов была борьба за первенство. Фуругорд видел в Линдхольме лишь хорошего исполнителя и наивно полагал, что отданный Линдхольму в подчинение партийный сектор должен был удовлетворить его притязания. Фуругорд рассчитывал, что выполнение всех условий Линдхольма по организации его трудовой деятельности, а именно: предоставление места проживания

²² Norran, 22. I.1932.

²³ *Drangel L.* Den kämpande demokrati. En studie i antinazistisk opinionsrörelse, 1935–1945. Stockholm, 1976; *Bokholm R.* Om glömda antinazistiska sanningssägare i svensk 30-och 40-tal. Stockholm, 2001.

²⁴ Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001, с. 426.

и отдельного офиса, выплата пенсии, экономические гарантии газете и сохранение ее тиража, а также многие другие условия, будут восприняты им с благодарностью. Однако Линдхольм, предпочитавший строгий порядок в делах управления и учет в партийной бухгалтерии, не мог закрыть глаза на расточительство и нецелевое использование средств Фуругордом.

Разногласия, которые проявились задолго до слияния партий и затем переросшие в словесную войну, продолжались и после ухода Линдхольма из ШНСП. Фуругорд обвинял Линдхольма в полном копировании идей и партийно-политического устройства нацистской Германии и отчасти фашистской Италии и подчеркивал свое стремление к созданию особого исключительно шведского национал-социалистического государства.

В одной из своих речей Фуругорд заявил, что поддерживает сохранение монархии в Швеции и не стремится к разрыву с церковью. Более того, он считает необходимым сохранение в обществе евангелическо-лютеранских ценностей и традиций для формирования “чистого” национал-социалистического государства. Фуругорду импонировал опыт немецких нацистов по унификации в Германии отдельных евангелических церквей в организационном и идеологическом отношении. Поэтому он не настаивал на ослаблении религиозных убеждений в обществе и упрекал Линдхольма в нежелании сотрудничать с церковью. Фуругорд обращал внимание на свойственную Линдхольму манеру жесткого подавления инициатив своих соратников и критиковал заявление своего бывшего союзника “Наша народная религия”, в котором тот утверждал, что церковь бесполезна в деле воспитания общества²⁵.

Но оба лидера, несмотря на разницу подходов, не учли значения в общественной жизни пацифистских и религиозных объединений, как связанных со шведской церковью, так и независимых от нее, имевших большие заслуги в антивоенном и миротворческом движении. Деятельность этих организаций способствовала укреплению антимилиитаристских настроений и упрочению идеи нейтралитета в обществе. Активную роль в деле мира так же играла организация “Шведский союз за мир и арбитраж”, которая в лице своего председателя пастора П. Гиберга развернула антифашистскую пропаганду²⁶.

Линдхольм был исключен из партии, но это не означало, что он проиграл. Линдхольм, совсем недавно правая рука Фуругорда, а по сути равный ему по популярности второй лидер ШНСП, увел за собой большинство членов партии и в короткие сроки основал собственную Национал-социалистическую рабочую партию (НСРП), которая подчеркнуто преследовала антикапиталистические цели, выступая за национализацию банков, участие рабочих в доходах предпринимателей и введение корпоративной системы, обещала социальные блага для всех социальных групп и достижения солидарности общества на базе идеи трудолюбия “несмешанного” народа.

Главным лозунгом партии и одновременно ее двигателем стали слова Линдхольма о том, что “национализм и социализм являются двумя сторонами одной любви к народу”. Его партия боролась за национализм, который выражался в приверженности к своему народу и стране, и социализм, основанный на трех базовых ценностях, – свободе, справедливости и солидарности. В программе НСРП подчеркивалось, что идеи социализма должны быть направлены на удовлетворение потребностей исключительно одной “чистой шведской” нации или одного “несмешанного” шведского народа. Только в таком случае социализм в отдельно взятой стране возможен. В “чистоте” нации, по мнению Линдхольма, заключалась свобода и сила шведского государства.

Слово “рабочая” в названии партии выражало идею “типичного шведского национального труда” и не соотносилось с классическими европейскими идеями рабочего

²⁵ Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 års dossiersystem. HP 20 Bihang Nazisterna, v. 1042, S. 12–13.

²⁶ Чернышева О.В. Церковь и демократия. Опыт Швеции. М., 1994.

движения, отвергая их по причине непринятия марксистского учения и руководствуясь антисемитскими взглядами.

Введение в понятийный ряд НСРП термина “рабочий” было обусловлено также и тем, что в 1930-е годы игнорировать рабочий вопрос стало “не модно”. Поэтому, чтобы конкурировать с другими политическими силами, нужно было соответствовать реалиям времени и отвечать потребностям общества. Социальные потрясения в Стрипе, Кируне, Луоссаваре в 1926 г. и, как кульминация, конфликт в Одалене в 1931 г., завершившийся трагедией и гибелью нескольких рабочих, повысили в обществе степень доверия к социал-демократам и в итоге привели их в 1932 г. к власти. Термин “народ” заменил в Швеции марксистскую категорию “класс”, а понятие “сотрудничество” – “классовую борьбу”.

По численности партия Линдхольма превосходила партию Фуругорда. Это объяснялось популярностью Линдхольма как молодого лидера. Через два года своего существования партия Линдхольма насчитывала около 10 тыс. членов, включая молодежную организацию Северная молодежь, в состав которой входила приблизительно 1 тыс. чел.²⁷

В 1938 г. руководство НСРП приняло решение отойти от экстремальных фашистских установок и не идти наперекор шведскому руководству. В апреле 1933 г. правление Социал-демократической рабочей партии Швеции обсудило меры по пресечению фашистского движения в стране. С 30 июня 1933 г. в Швеции вступил в силу закон, запрещающий ношение военной или похожей на нее формы, а также повязок на рукаве и других знаков, имитирующих военные атрибуты (партийной униформой НСРП были коричневые рубашки и свастика). В случае несоблюдения закона нарушителю грозил штраф²⁸.

В первой половине 1930-х годов недостатки в исполнении Лигой Наций своих основных задач стали очевидными; концепция международной солидарности казалось все более неубедительной. Поэтому законопроект, целью которого было приостановить нацистскую пропаганду и воспрепятствовать милитаризации политической жизни, отвечал задачам шведских властей, которые вновь увидели в нейтралитете страны альтернативу выхода из сложной внешнеполитической ситуации.

Хотя этот закон носил характер временного (до 1947 г.²⁹), Линдхольм подчинился требованию властей и поддался общенародному стремлению сохранить нейтралитет Швеции. Он отказался от свастики, высоких сапог, коричневой формы, выбрав привычный синий цвет, и сменил традиционное нацистское приветствие “Да здравствует Гитлер!” на лозунг: “Швеция – для шведов!”. Название партии было изменено на Шведское социалистическое единение. Эмблемой партии стал сноп Васы. Преобразованная организация открыла новые центры в Стокгольме, Гётеборге, Мальме, Норботтене.

ШНСП по-прежнему возглавлял Фуругорд, но его популярность постепенно падала. “Фуругордовцы” и “линдхольмовцы” на протяжении нескольких лет обличали друг друга и вели борьбу за поддержку Германии. Победителем стал Линдхольм: его партия заняла ведущее положение среди шведских фашистских группировок.

Коммунальные выборы 1934 г. принесли Линдхольму 11 800 голосов. Фуругорд тогда получил вдвое меньше – 5 тыс.³⁰ На выборах в риксдаг 1936 г. партия Фуругорда собрала лишь 3025 голосов (0,10%), в то время как Линдхольму оказали поддерж-

²⁷ Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 års dossiersystem. HP 20 Bihang Nazisterna. V. 1042. S. 15.

²⁸ Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 års dossiersystem. HP 01 Ab v. 26, S. 26–27.

²⁹ В 1947 г. закон был продлен до 2002 г.

³⁰ Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 års dossiersystem. HP 20 Bihang Nazisterna. V. 1042. S. 19.

ку 17 483 избирателей (0,61%)³¹. Это был самый удачный год для Национал-социалистической рабочей партии. Но даже при преимуществе одной нацистской организации над другой результаты выборов показали, что влияние фашистов в стране невелико. На результаты выборов не повлияло даже объединение с Национал-социалистическим блоком полковника М. Экстрёма. В последующие годы влияние национал-социалистов Швеции слабело. Линдхольм связывал непопулярность своей партии с непрекращающимися спорами и расколом внутри шведского нацистского движения³². На выборах в риксдаг в 1940 г. нацисты участия не приняли, а в 1944 г. партия Линдхольма набрала всего лишь 4204 голоса (0,14%)³³.

Фуругорд вскоре после провала на парламентских выборах в 1936 г. был смещен своими соратниками, которые обвинили его в нерациональном использовании партийной казны, попросту говоря, в расхищении партийных денег. В качестве преемника был выбран новый лидер М. Экстрём, который после Второй мировой войны назвал свою деятельность в партии самой большой глупостью в жизни. Экстрёму принадлежала идея объединить различные национал-социалистические и фашистские группировки под эгидой собственной партии, однако все попытки оказались тщетны. Немногочисленные члены блока Экстрёма примкнули к более удачливому Линдхольму.

При определенных условиях национал-социалистическое движение в Швеции могло стать опорой гитлеровского режима, а вся Скандинавия – превратиться в германскую военную базу³⁴. Однако в годы Второй мировой войны Швеция, вопреки всем трудностям, так и не стала союзником гитлеровского рейха и выбрала путь нейтралитета.

Большинство шведов отвергло доморощенных фашистов; их слабость была очевидна. Это, с одной стороны, свидетельствовало об укреплении в сознании шведов политического мышления, ориентированного на нейтралитет, как единственно правильной стратегии в случае войны, и, с другой стороны, – о снижении доверия к германской нации. Прежние связи с Германией постепенно ослабевали. В Швеции крепло понимание того, что, при общих исторических корнях, в XX в. Швеция и Германия не имеют объединяющих их внешнеполитических целей. Неучастие Швеции в Первой мировой войне притупило националистические настроения среди шведского населения. В сложный для страны межвоенный период в Швеции сохранялся гражданский мир, что создало почву для дальнейшего развития демократии. Немаловажным фактором стало формирование в сознании шведов приоритета мирного выхода из любой конфликтной ситуации, будь то внутривнутриполитические проблемы или межнациональные споры. У шведов не было отвращения к либеральным идеям, которые они считали полезными для своего общества. Позитивное отношение сложилось и к социал-демократическим ценностям, суть которых состояла не в битве с буржуазией, а в удовлетворении интересов общества в целом. Классовая борьба в Швеции была не популярна. Широкомасштабная социальная политика должна была способствовать благосостоянию общества; социал-демократы оказались выразителями мыслей и чаяний большинства шведов.

В случае с Германией все произошло иначе: поражение в Первой мировой войне, позорный, унижавший достоинство нации Версальский мир и политическое давление со стороны стран-победительниц привели к росту шовинизма и крайних форм национализма. Хотя в Швеции были люди, которые проявляли симпатию к немцам, к авторитарному мышлению и теории расизма, их взгляды не оказали значимого влияния на общественное мнение. В своей массе чувства, которые шведы испытывали к немцам как родственной им нации, скорее напоминали сострадание к бедному родственнику;

³¹ Statistiska centralbyrån. Valstatistik 1891–1999. Данные за 1933–1936 гг.: http://www.scb.se/Pages/List___292050.aspx

³² *Linder J.* Svår neutralitet: Sverige under två sekel. Stockholm, 2003. S. 15.

³³ Statistiska centralbyrån. Valstatistik 1891–1999. Данные за 1937–1940 и 1941–1944 гг.: http://www.scb.se/Pages/List___292050.aspx

³⁴ *Tingsten H.* Mitt liv. Mellan trettio och femtio. Stockholm, 1962, S. 268.

их боль можно было понять, но не принять. Деятельность шведских “активистов”³⁵, агитировавших за германо-шведский альянс в ходе Первой мировой войны и выступавших против сторонников нейтралитета внутри страны, в межвоенный период ослабла. В Швеции набирало силу социал-демократическое движение, пропагандировавшее идеи мира. Поэтому, критикуя отдельные аспекты политики европейских лидеров по отношению к Германии, и указывая на возможные негативные последствия изоляции этой крупной центральной европейской державы для будущего Европы, шведское руководство вместе с тем подчеркивало, что вовсе не собирается выбирать сторону Гитлера и оказывать поддержку его режиму.

При этом многие шведы считали, что стремление Гитлера не только возродить утраченное величие “арийской” нации, но и создать новое представление о германском народе, заставить возродить Германию как великую державу заслуживало уважения³⁶. Тем более что первые результаты гитлеровской внутренней политики привели к оживлению экономики, наметилась тенденция к снижению числа безработных. Произнесенная в рейхстаге 17 мая 1933 г. демагогическая речь Гитлера “Германия хочет мира” была благосклонно встречена шведской общественностью.

История шведских национал-социалистов показывает, что фашизм и нацизм так и не стал в Швеции массовым явлением. Стремление шведских нацистов всегда и во всем солидаризироваться с их германскими “старшими братьями” негативно воспринимались в Швеции: их рассматривали в качестве “импортного товара”, не имевшего национальных корней. Кроме того, у шведских нацистов не было ярких харизматических вождей, подобных Гитлеру или Муссолини. Шведских “фюреров” раздирала внутриполитическая борьба. Одни поддерживали Фуругорда, другие делали ставку на Линдхольма, третьи уповали на Экстрёма, четвертые предпочитали “салонного идеолога” графа Э. фон Розена. Ни один из этих лидеров не пользовался всеобщим авторитетом в стране³⁷. Несмотря на то, что Фуругорд и Линдхольм стремились навязать народу мысль, что именно Швеция являлась “колыбелью арийской расы”, им так и не удалось убедить своих сограждан в необходимости следовать за Германией. Реваншистские настроения, свойственные шведским национал-социалистам и “активистам” в начале XX в., в межвоенный период сменились ностальгией по былому величию Швеции. В 1930-е годы пропаганда шведских нацистских организаций померкла на фоне набирающего силы движения за нейтралитет.

Национал-социалисты в Швеции не стали партиями кризиса, как это произошло, например, с германской НСДАП. Великая депрессия для шведов не стала катастрофой, способной перевернуть сознание нации³⁸. Швеция продолжала развиваться в условиях так называемого относительного благосостояния. Кроме того, первые успехи антикризисной политики социал-демократического правительства смягчили националистические проявления в обществе, и показали, что антисемитские настроения в жесткой форме, которую можно было наблюдать в Германии, не были свойственны шведским правам.

Пик популярности в Швеции фашистских, национал-социалистических, расистских и антисемитских идей пришелся на последнюю четверть XIX в. – первые десятилетия XX в.; затухание интереса к ним совпало с расцветом аналогичных тенденций в Германии. В конце 1930-х годов в Швеции восторжествовала идея нейтралитета. Наряду с внешнеполитическими факторами, успех политики нейтралитета и провал шведских национал-социалистов был во многом обусловлен опытом предыдущих десятилетий и выработанной у шведов привычкой мыслить неконфликтно. Важную роль играла приверженность христианским традициям. Шведы так же возлагали надежды на социал-

³⁵ “Активисты” – сторонники участия Швеции войне на стороне Германии; их лозунг гласил: “Активный нейтралитет”.

³⁶ Aftonbladet, 31.I.1933.

³⁷ Linder J. Op. cit. S. 53.

³⁸ Bökk F. Tysk väsen och svensk lösen. Malmö, 1940. S. 268.

демократическую партию, которая обещала светлое будущее своему народу. Все это, в отличие от национал-социалистического движения, которое не имело устойчивой почвы под ногами, придавало вес политике нейтралитета.

Сегодня можно наблюдать, как базовые ценности шведского общества, которые предопределили выбор нации и, как следствие, явились основой ее нейтралитета, постепенно утрачиваются. 11 февраля 2002 г. была принята новая внешнеполитическая и оборонная доктрина королевства, которая больше не предполагает обязательного нейтралитета в случае военного конфликта. Отныне нейтралитет превращается лишь в одну из ряда возможных линий поведения Стокгольма, ибо, как заявил премьер-министр Швеции Й. Перссон³⁹, нейтралитет не покрывает всех аспектов политики Швеции в области безопасности⁴⁰.

В современной Швеции наблюдается всплеск национал-социалистических настроений. В 1990-е годы стали появляться партии нацистского толка: Национал-социалистический фронт, Инфо-14, Шведское движение сопротивления, Легион Васы. Тенденция сохранилась и в 2000-е годы, когда о своей деятельности заявили еще несколько организаций: Национал-демократическая молодежь, Северный союз, Свободные националисты, Северная молодежь. Остается открытым вопрос, к чему может привести рост шведского неонацизма сегодня, в условиях размывания традиционных устоев, оставшихся незабываемыми на протяжении веков и не давших втянуть Швецию во Вторую мировую войну?

³⁹ Перссон Йоран – премьер-министр Швеции в 1996–2006 гг., лидер социал-демократической партии Швеции в 1997–2007 гг.

⁴⁰ Волхонский Б. Швеция теряет нейтралитет. Когда нейтралитет теряет смысл. – Коммерсант, 1.XII.2000.